

Янь Цин оторопел. Он прекрасно понимал, что говорит Чжун Фэнхэ, — просто мозг ещё не успел это переварить, зато каждая веточка на теле так и рвалась пуститься в пляс.

Чжун Фэнхэ, видимо, как раз вспомнил собственные слова про «только пять минут» и слегка смутился. Он откашлялся и с нарочито непринуждённым видом поторопил:

— Ну? Чего замолчал? Продолжай.

Янь Цин мгновенно расплылся в улыбке — глаза превратились в сияющие полумесяцы, тонкая цепочка на дужке золотистых очков весело покачивалась, отчего взгляд казался ещё живее.

— Я считаю, что сеттинг нужно прописать детально. Сюжеты по большей части однотипны — просто разные комбинации событийных и логических цепочек. А в костюмированных мифологических дорамах главное — атмосфера. Зритель не обязательно хочет смотреть на любовную линию, ему нужен дух сянся...

Улыбка ни на мгновение не покидала его губ. Голос звенел молодой энергией, и слово за словом он выстраивал мир, живший у него в голове.

Неподалёку проносились машины, гудки смешивались с порывами ветра — но ничто не могло сбить молодого человека с мысли.

Когда Янь Цин наконец закончил, Чжун Фэнхэ с явным удовлетворением захлопнул блокнот и без малейшего колебания спросил:

— Сяо Янь, кто тебе всё это подсказал?

Янь Цин опешил:

— В каком смысле «подсказал»?

— Идея очень талантливая, а сеттинг продуман на удивление цельно и гармонично, — пальцы Чжун Фэнхэ негромко постукивали по столешнице. — Работа мастера. Какой знаток стоит за тобой? Назови имя — я пойду заключу договор с ним напрямую. Не переживай, твоё имя тоже будет в титрах.

Янь Цин стоял молча и дослушал до конца. Несколько секунд тишины.

— Никто за мной не стоит. Я придумал всё сам. Могу представить весь ход рассуждений — все записи в этом блокноте мои.

— Ты ни разу в жизни не написал полноценный сценарий. Хватит юлить. То, что ты делаешь, называется плагиатом.

— Скажите, какие нужны доказательства, — я предоставлю любые.

— Дело не в доказательствах, — Чжун Фэнхэ оставался непробиваем, как стена. — У тебя просто нет таких способностей.

Секундная стрелка настенных часов тикала мерно и равнодушно. Весь недавний азарт и предвкушение, наполнявшие его минуту назад, слова Чжун Фэнхэ разнесли в пыль.

Он действительно ни разу не вёл самостоятельно полноценный сценарий. Когда он только пришёл в студию «Фэннянь», его ставили на подхват к опытным сценаристам — и это была сплошь мелкая, ни на что не влияющая подсобная работа.

Способностей, равных сценаристам уровня Чжун Фэнхэ, у него и правда не было.

Но этот замысел был связан с древними мифами — и с теми самыми наследственными воспоминаниями, что смутными тенями мелькали в сознании каждого ёкая. Именно они, помноженные на его собственные идеи, и позволили ему — без какого-либо опыта, на одной интуиции — выстроить цельную концепцию. Без чьей-либо помощи.

— Первый набросок этой идеи появился у меня месяц назад, тогда...

Чжун Фэнхэ раздражённо перебил:

— Я ни при каких обстоятельствах не позволю тебе быть основным автором этого проекта. У тебя нет ни квалификации, ни имени. Студия не может рисковать обвинениями в плагиате. Вариант: я выплачу тебе гонорар, а в сценарии не будет указано вообще никакое имя.

Тишина.

Чжун Фэнхэ ждал, что Янь Цин уступит. Вместо этого тишина лишь затянулась.

Наконец Янь Цин шагнул вперёд. Молча забрал со стола блокнот с набросками и аккуратно убрал его в карман плаща.

— Сяо Янь? — Чжун Фэнхэ растерялся.

— Шеф, — Янь Цин моргнул; в глубине груди расплылось что-то горькое и возмущённое разом.

— Раньше я ужасно боялся, что вы меня уволите. Но сейчас мне вдруг кажется, что я,

возможно, вообще не гожусь для работы здесь.

Когда эмоции захлёстывали его, демоническая сила выходила из-под контроля. Цветочная пыльца бесконтрольно разлетелась по кабинету, и Чжун Фэнхэ ни с того ни с сего расчихался.

— Апчхи!.. Что за... Апчхи!..

Янь Цин опустил голову, пальцы в кармане скользнули по обложке блокнота.

— Заявление об увольнении... я подготовлю и принесу позже.

С этими словами он направился к двери кабинета.

Он всё ещё был в ярости — лицо потемнело. Для остальных в студии Янь Цин всегда был мягким, покладистым новичком с прекрасным характером. Такая внезапная жёсткость застала Чжун Фэнхэ врасплох. Тот вскочил и в два шага перехватил его за руку:

— Сяо Янь, ты сначала успокойся, давай спокойно поговорим.

Едва его ладонь сомкнулась на предплечье Янь Цина, пальцы напоролись на шипы розы, которые тот не успел убрать. Чжун Фэнхэ вскрикнул, точно его ударило током:

— А-а! Что такое?! Статика?.. Эй, Сяо Янь, я всего лишь хотел, чтобы ты сказал правду, не надо так заводится. Апчхи!..

— Я говорю правду, — у Янь Цина была черта, которую он не позволял переступать никому: это касалось дела, которое он любил. Никогда прежде он не злился так сильно, как в эту минуту. — Шеф, прошу вас — не навешивайте на людей ярлыки.

Впервые в жизни он говорил кому-то в лицо такие резкие слова. Кончики пальцев мелко дрожали, дыхание участилось.

Он задумался — хотелось сказать многое, но одновременно казалось, что говорить больше не о чем. Он просто развернулся и быстрым шагом ушёл.

Чжун Фэнхэ смотрел ему вслед и на этот раз не стал удерживать. Вместо этого вернулся к столу, задумался на мгновение, затем достал телефон и набрал номер.

Человек на том конце, судя по всему, не слишком жаловал его — с первого раза не снял трубку.

Чжун Фэнхэ перезвонил дважды, и лишь тогда гудки прекратились.

— Это я, да-да-да, студия «Фэннянь»... Помните тот крупный проект, по которому мы выходили на связь? Вы уже подписали контракт с кем-то другим?.. Нет ещё? Замечательно! У меня есть новая концепция — гарантирую, вы останетесь довольны!..

Снег уже растаял.

В Янчэне и так никогда не выпадало серьёзных сугробов, а сейчас мостовые блестели мокрой слякотью, и каждый прохожий тащил на подошвах ледяную воду.

Янь Цин сидел, привалившись к панорамному окну, подтянув колени к груди и набросив на себя тонкий плед.

Он смертельно хотел спать.

Похоже, сезон опыления не только обострял чувствительность к температуре, но и делал его совершенно неспособным контролировать эмоциональные всплески.

Когда-то, едва приняв человеческий облик, он по распределению Управления по делам ёкаев поступил в самый заурядный человеческий университет второго эшелона. Тогда он не смыслил ровным счётом ничего, выглядел тупее любого из людей и на всё тратил вдвое больше усилий, чем остальные.

Но даже тогда ему не казалось, что это так уж тяжело.

Он старался — и у него получалось. Он благополучно окончил университет.

А теперь он старался — и получил лишь ярлык от Чжун Фэнхэ: «неспособен» и «вероятный плагиатор».

Солнце стояло точно в зените. Кто-то несколько раз постучал в дверь и, не дожидаясь ответа, вошёл:

— Янь Цин? Пойдём поедим?

Янь Цин поднял глаза на Чжан Сюня. Взгляд был слегка расфокусирован, а в зрачках, обычно скрывающих тёмно-красный оттенок, читалось упрямство.

— Ты чего? — Чжан Сюнь сразу понял, что с настроением что-то не так, подошёл ближе и

присел рядом на корточки. — Грустишь?

Янь Цин опустил глаза и едва заметно кивнул:

— Угу...

— Блин, ты что тут распылил, так пахнет... Апчхи! — Чжан Сюнь не стал допытываться о причинах и потянул его за руку. — Пошли! Сто бед — один обед!

Янь Цин покачал головой:

— Не пойду. — Ему предстояло увольнение, а за квартиру ещё не заплачено — не время тратить на еду. — Чжан Сюнь, я уволился.

— Чего?!. — Чжан Сюнь обалдел.

— Потом расскажу. Пойду пройдусь, проветрю голову.

Он поднялся, чуть опустив голову, накинул плащ и вышел.

Сегодня ветер дул сильнее обычного, но небо было ясным — редкие облака даже не пытались заслонить ярко-синий купол. Янь Цин шагал уже довольно долго, но в голове по-прежнему не укладывалось.

Он любил писать сценарии, любил возиться с цветами и травами, в которых теплилась капля волшебства, — каждый день только этим и занимался, без каких-то грандиозных амбиций.

И вот результат: ни денег, ни работы, и даже съёмное жильё скоро не на что будет оплачивать.

Совсем не так, как у господина Гэна — молодого и успешного.

Янь Цин невольно вспомнил просторный дом Гэн Ихуая и дорогой автомобиль с личным водителем.

Сам не заметив как — быть может, ноги по привычке запомнили дорогу, — Янь Цин очнулся уже у ворот дома Гэн Ихуая.

Демонической силы у него было маловато, чтобы ощутить, что окрестности пещерного жилища великого ёкая пропитаны природной духовной энергией. Ему просто показалось, что у дома Гэн Ихуая удивительно приятно находиться.

А не посидеть ли тут, не отдохнуть ли? Заодно, может, удастся подглядеть, как живёт этот успешный господин Гэн, чья жизнь так разительно отличается от его собственной.

Вечером Гэн Ихуай, как обычно, вернулся с работы ровно в срок.

Когда водитель открыл заднюю дверцу, лицо его было напряжённым — он из последних сил сдерживался, чтобы не задрожать на глазах у хозяина.

Сегодня Гэн Ихуай был не в духе.

Эти бессмертные старые хрычи из ёкайского клана не застали его на совете — и, нимало не стеснясь, притащились целой делегацией прямо в его офис. Разумеется, с той же вечной песней: найди себе пару.

Старейшина Лазурной Пичуги едва не поклялся умереть у него на пороге, заявив, что если в следующий раз не увидит в доме Гэн Ихуая нового хозяина — или хозяйку — то он, Пичуга, собственной птичьей башкой расшибётся о его чугунную ограду.

Ну просто сердце себе разбили на части о его продолжение рода.

После визита старейшин Гэн Ихуай ходил, окутанный такой давящей аурой, что одним молчанием мог довести человека до инфаркта.

Он вышел из машины и коротко бросил водителю:

— Свободен.

Водитель, получив помилование, улепётнул со всех ног.

Гэн Ихуай, как обычно, вошёл в ворота — и вдруг остановился.

Вокруг виллы тянулся цветник, за которым он платил садовнику: даже зимой здесь зеленели разнообразные сезонные растения, свежая зелень перемежалась яркими пятнами цветов.

Но этот розовый куст был уж слишком приметным.

Гэн Ихуай: «...»

Допустим, Янь Цин, вероятно, не знает, что он тоже ёкай и способен видеть истинную форму. Но... это маленькое создание что, забыло, что обычные розы зимой на открытом воздухе не

цветут?!

Листва розового куста была сочно-зелёной, а маленькие шипы на ветвях — до неприличия свежими, словно только что из теплицы. На концах ветвей теснились нераскрывшиеся бутоны, а один цветок уже приоткрыл лепестки, затмевая все окрестные растения.

Взгляд Гэн Ихуая чуть дрогнул, зрачки едва заметно скользнули в сторону розового куста — будто мимолётно, ненароком.

И конечно же — ветер ещё не шелохнулся, а маленький цветочный ёкай, словно застигнутый на месте преступления, уже вздрогнул всеми веточками.

Давящая аура, окутывавшая успешного господина Гэна, испарилась без следа. Он убрал ключи и неторопливо, вразвалочку подошёл к маленькому цветочному ёкаю.

Произнёс спокойно:

— Неплохо цветёшь.

Веточки Янь Цина снова дрогнули.

Он, конечно, знал, что господин Гэн — обычный человек и не может распознать его истинную форму. Но оказаться впервые в жизни «под дверью» у кого-то — всё равно было волнительно.

И тут он увидел, как господин Гэн присел на корточки. Красивое лицо приблизилось — крупным планом. Янь Цин перестал дышать, в голове стало пусто.

Этот человек опустился на одно колено, замерев перед кустом в полуколенной позе, — и даже сидел на корточках до неприличия красиво.

Янь Цин не успел толком налюбоваться идеальными чертами господина Гэна, как успешный человек поднял руку, и длинные пальцы медленно потянулись к его единственной полураскрывшейся розе.

— И легонько коснулся лепестка.

Янь Цин: «!!!!»

А-А-А-А-А!!!

Как господин Гэн может трогать ТАМ?!

Это же его... его...

<http://bllate.org/book/21883/2278915>